

Армейская оратория / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Армейская оратория / рассказ АРМЕЙСКАЯ ОРАТОРИЯ

Его зовут Акимов. В то время, о котором речь, он был майором, начальником штаба полка. Коренастый, невысокий майор с твердым взглядом, маленькими руками и вечно сияющими сапогами. Выбрит. Ни пылинки на форме, хотя место было пыльное, – вокруг полка летом по степи всегда танцевали пыльные джинны, время от времени они сговаривались и кагалом валили на полк, и небо меркло, солнце гасло, и новозаветная тьма покрывала наш палаточный городок.

Мы, четверо солдат, были в наряде, дежурили на КПП. Это был долгий наряд, он длился пять месяцев.

Начальству казалось целесообразней иметь на КПП постоянных дежурных. И действительно, это было лучше, чем сменные наряды, которые несли службу не очень исправно. Мы же, вечные дежурные, дорожили жизнью без ежеминутной офицерской опеки, без построений, зарядок, маршировок и служили рьяно. Все называли КПП хутором и завидовали нам. Каменный домик, вернее, сарайчик, стоял в километре от полка, на дороге, уходящей в степь; эта дорога да еще одна на другом краю полка – две дороги были единственными незаминированными отрезками земли, полк окружали минные поля, и дороги соединяли полк и чужой, враждебный мир.

Круглосуточно мы стерегли дорогу. Двое спали, двое, облачившись в бронежилеты, несли дежурство. Кормились мы в батальоне. Ну и, конечно, был у нас очаг в окопе, чайник и таз для плова. На стенах висели вырезки из журналов, на столе лежали книги, в тайнике хранился коротковолновый приемник. Была колода самодельных карт. Неплохо жили.

Ежедневно к нам наведывался дежурный по полку, иногда наезжал начальник штаба Акимов или замполит полка.

Акимов любил Блока. Поэта. Александра Блока.

Как-то он заехал к нам проверить, не опились ли мы браги или

не закурили ли анаши. Мы не опились и не обкурились, и всюду у нас был порядок, и подворотнички свежие. Майор остался доволен нами. На столе он увидел томик стихов Блока, спросил, чья книга, я сказал, что взял ее в библиотеке, он продекламировал меланхолично: «По вечерам над ресторанами», – сказал, что это любимый его поэт, и взял томик, разрешив мне через неделю за ним прийти. Через неделю я пошел в полк, прождал майора в штабе час, он появился, пригласил в кабинет, протянул книгу и сказал: хрустальные стихи. Я ответил: да, не железные. Он внимательно посмотрел на меня. Я вспотел. Ну иди, отпустил он.

Майор Акимов прервал нашу хуторную жизнь.

Это было вечером. Шел снег. Мы топили печку. Один в брезентовом плаще вышагивал перед шлагбаумом; иногда он подходил к окну и смотрел на нас. Мы готовили праздничный ужин. У нас было жарко, дымно, шумно. Мы пекли лепешки и жарили картошку. У нас был именинник. Он, застенчивый парень, сидел сложа руки и ждал подарков и гостей. Вскоре гости пришли. Их было двое, они принесли в подарок пол-ящика сгущенки и подтяжки: носить подтяжки у нас было очень модно. Это было вечером. Шел снег. Мы топили печку. Один в брезентовом плаще вышагивал перед шлагбаумом; иногда он подходил к окну и смотрел на нас. Мы готовили праздничный ужин. У нас было жарко, дымно, шумно. Мы пекли лепешки и жарили картошку. У нас был именинник. Он, застенчивый парень, сидел сложа руки и ждал подарков и гостей. Вскоре гости пришли. Их было двое, они принесли в подарок пол-ящика сгущенки и подтяжки: носить подтяжки у нас было очень модно. Мы уселись вокруг стола, разлили по кружкам виноградный сок, я встал, чтобы произнести речь, но часовой постучал по заснеженному окну и сказал: машина! Все перепугались и начали прятать под койки праздничную снедь, гости бросились вон. Я останавливал всех и говорил: ну что тут такого, если у нас именинник? Но меня никто не слушал.

Машина подъехала. Мы ждали. Хлопнула дверца. Донесся глухой голос нашего часового, он доложил, что за время его дежурства – и все такое. Дверь отворилась, и в домик вошел

хмурый майор Акимов и дежурный по полку, лейтенант. Акимов окинул взглядом наши распаренные, встревоженные лица. Из-под коек пахло лепешками и картошкой, на столе лежали хлеб, консервы и горка порезанного репчатого лука.

– Доставайте, – сказал Акимов. – Всё.

Мы вытащили из-под коек сковороду и тарелку с лепешками.

– Я сказал всё, – напомнил Акимов.

– Это всё, – сказал наш сержант.

– Брагу!

Мы пожали плечами.

– Лейтенант, – позвал Акимов.

Лейтенант обшарил все углы, заглянул под подушки, вышел на улицу.

– Товарищ майор, – начал объяснять наш сержант, – у нас именинник...

Лейтенант вернулся с заснеженными гостями.

– В окопе лежали.

– Так, – сказал, оживляясь, майор. Он снял шапку, пригладил волосы и сел на табурет.

– Откуда? – спросил лейтенант у гостей. Те мялись, понуро клонили головы и молчали.

– Откуда? – тихо спросил майор, и гости вздрогнули, вскинули головы и назвали свои фамилии и подразделения.

– На КПП посторонним запрещается, знаете? – спросил лейтенант.

Гости молчали.

– Знаете? – спросил майор, и гости хором ответили: так точно! никак нет!

Один знал, другой нет.

– Так, – сказал майор. – Сержант, вы тоже не знаете?

– Да, но именинник, – сказал наш сержант, – а мы в вечном наряде...

– В вечном? – Майор побледнел. – Паразиты, – сказал он тихо.

Посмотрел на стол и вдруг рубанул ребром ладони по ручке сковороды. Картошка вывалилась на пол.

– Именины, – процедил майор, вставая. – Именины! У них именины! Кругом враги, того и гляди всем глотки перережут! Я говорю: война! А у них именины. Име... Ты пачччему сидишь?

Именинник вскочил с койки и вытянул руки по швам.

– Зажрались, закабанели! Веч-ч-чный наряд! Я вам покажу веч-ч-чный... Я вас научу... мать... Весь полк в цинкачи? В цинкачи, да?.. У них именины! Нет, лейтенант, ты погляди, ты только погляди на барсуков ссулявых! Вечный наряд!

Кто-то, я уже не помню кто, хихикнул. Наверное, от страха. И этого было достаточно, чтобы начштаба совсем сошел с орбиты.

– Смешно? Вам смешно?

Он схватил буханку хлеба, тяжелую, корявую, и смел со стола банки, соль, лепешки, кружки. Один гость струхнул и бросился вон, лейтенант выскочил следом и приволок его в дом. Уцепил его за ухо: ты что, а? что такое ты? куда это ты? может, к духам?

Солдат заплакал. Майор побледнел еще сильнее, гадливо сморщился.

– Убрать все! Живо!

Я взял веник, чтобы замести картошку, лепешки, соль.

– Руками, – сказал майор. – Ручками. Р-ручка-ми! Ну!

Я стоял, опустив голову. У меня дрожали ноги.

– Ну!

Не знаю. Может, я нагнулся бы и начал убирать снесь руками. Не знаю. Вообще-то я трусоват. Но мне не пришлось окончательно струсить, потому что наш сержант вдруг выкинул фортель: шагнул к пирамиде с автоматами и четко проговорил:

– Мы на боевом посту.

Печка дудит. За окном снег. Молчание. Майор оглянулся на лейтенанта.

– Но! – сказал лейтенант и шагнул к сержанту.

Майор засмеялся:

– Кино! Нет, от скуки не помрешь. – Он перестал смеяться. – Ладно. На губу все пойдете. Наряду – по семь суток, гостям – по трое. А тебе, – сказал он сержанту, – а тебя я...

– К Жилмурдаеву его, – подсказал лейтенант, – он любит таких бедовых.

Жилмурдаев был командиром третьей роты пехотного батальона, к нему отправляли на перевоспитание «трудных». «Трудные» быстро становились легкими.

И вдруг майор сказал:

– Нет. А тебе – благодарность!

Наверное, майор чувствовал себя вторым Суворовым.

С тех пор на КПП дежурили по суткам. Наша хуторская жизнь закончилась. Но не в этом дело.

Летом молодой солдат удрал из полка. Солдаты рыскали по степи, в кишлаках трое суток, но беглеца так и не схватили. Дело получило огласку, началось расследование. Выяснилось, что старослужащие... Ну да хватит страстей-мордастей – выяснилась всякая всячина нечеловеколюбивая, и в полк прилетели представители штаба. Расследовав дело, они решили строго наказать виновных. Перед возвращением в Кабул штабные собрали комсомольских активистов из всех подразделений для беседы. Моя рота послала меня, хоть я и не был никогда в жизни, а тем паче в армии, активистом, просто была у меня дурацкая привычка на всех собраниях задавать вопросы офицерам, чтобы повеселить зевающую публику, и офицеры считали меня активистом.

Беседа проходила в полковом клубе. Ни стен, ни потолка в этом клубе не было, были ряды деревянных скамеек, полукруг сцены, огромный вогнутый белый экран, небо и солнце. На сцене стояли столы, за столами сидели майоры и полковники в полевой форме: густые породистые усы, римские подбородки, очки в тонкой оправе, пронизательные глаза, выбритые тугие щеки, белоснежные подворотнички, крепкие лысины и лоснящиеся от пота лбы.

Первым выступал начальник штаба нашего полка, майор Акимов. Он сказал: миролюбивая внешняя политика, но когда соседу плохо, и вот мы здесь, напряженные будни, происки империализма, необъявленная война, потери, трудности, славные Вооруженные Силы, рожденные в огне, традиции, высокий боевой дух, патриотизм, отличники боевой и политической подготовки, десятки успешных операций, кавалеры Красной Звезды, десятки награжденных медалями, три Героя... Акимов налил из графина в стакан воды и, как водку, выпил единым духом. Помолчав, он продолжил: но, несмотря на славные традиции, завещания дедов, несмотря на наличие отличников боевой и политической подготовки, несмотря на десятки успешных операций, трех Героев, кавалеров Красной Звезды и все усилия, прилагаемые

командирами, политработниками, имеются отдельные недостатки, хоть с ними и ведется ежедневная кропотливая работа, то есть упорная и бескомпромиссная борьба... и вдруг случилось то, что случилось, случайно ли это случилось? и да, и нет, моральный кодекс, высокий гуманизм идеалов, гармония внутренней и внешней культуры, но бытуют в нашей жизни враждебные социализму уродливые пережитки прошлого, как стяжательство и взяточничество, стремление урвать побольше от общества, ничего не давая ему, бесхозяйственность и расточительство, пьянство и хулиганство, бюрократизм и бездушное отношение к людям, и вот отдельные несознательные элементы, прямо скажем, преступные элементы, позволяют себе физически и морально унижать человека!..

Я сидел в первом ряду и слушал. Я подумал: а может, мне... До демобилизации был еще год. Я смотрел на твердое лицо майора, на его маленькие крепкие руки, на лица штабистов, с удовлетворением слушавших майора, и думал: нет.

Я не встал и ничего не сказал. После майора выступали штабисты, они говорили то же самое, что и Акимов. Отобедав, штабисты улетели на вертолетах в Кабул. Старослужащих, причастных к побегу молодого солдата, посадили. Но остальные «деды» почему-то не образумились и продолжали физически и морально унижать «сынов».

– Федя, наверное, это слишком, – сказала Марина, прочитав рукопись.

– И тебе так кажется? Странно. Ведь это полуправда. На самом деле было хуже.

– А почему оратория?

– Музыка тут ни при чем. От слова оратор.

– Я так и подумала.

– Марина, твою статью я жду уже полнедели, – заметила заведующая Луиза-Лиза.

– Я сегодня сдам, – пробормотала Марина и уткнулась в бумаги.

– Федя, твой материал тоже запаздывает.

– Слушаюсь, – сказал Прядильников и взял ручку. Он писал о военруках и наглядных пособиях, о воспитании молодежи в духе... традиции... заветы... патриотизм... мы, молодые, вихрастые, наши

стремления ясные, нам подавай небосвод!.. А горы спали, и стадо зеленых черепах спало, было тихо, тепло. Но скрипнула крышка люка, из бронетранспортера высунулся прапорщик, он зевнул, окинул взглядом степь и замер, увидев черных журавлей, на миг он скрылся, появился вновь, осторожно сполз с машины и, пригибаясь, пошел в степь с автоматом, часовые следили за ним, птицы заметили его, вытянули шеи, застыли, прапорщик опустился на колено, приставил приклад к плечу, склонил набок голову, прицелился, птицы побежали, подпрыгивая и плеща крыльями, стая взлетела, бледно-красная очередь пронеслась над степью и впилась в черную стаю. Часовые смотрели молча. Это была первая операция Прядильникова, он трусил, не был уверен, что, услышав щелканье пуль у ног и свист осколков над головой, сохранит хладнокровие и поведет себя как мужественный воин, он боялся, что оплошает и побежит с поля боя или еще что-нибудь такое позорное сделает, он вспоминал всех мужественных кино- и книгогероев, но это не помогало, было тошно, аппетит пропал и все время хотелось мочиться, но рейд проходил спокойно, без единого выстрела, и вот этим утром второго дня Прядильников услышал стрельбу и увидел смерть: прапорщик опустился на колено, склонил набок голову, прицелился, и трассирующая очередь, трассирующая, трассирующая... трассирующая... трассирующая... «Куда-то утром захотелось уехать, – подумал Прядильников. – Что-то такое приснилось, и захотелось уехать. Что же это мне приснилось? ...трассирующая... трр-сс-шшш...»

– Луиза, – сказал Прядильников, – что-то как-то ни черта не идет.

– Федор, – Луиза строго посмотрела на него, – не будь медузой, соберись. Сегодня надо сдать.

Прядильников закурил.

– Так, ребята, – сказала Луиза. – Я – в библиотеку. Этой книги у нас нет. Ведите себя прилично. – Она подошла к зеркалу на стене, поправила короткие темные волосы, подкрасила свои большие выпуклые губы, отступила на два шага, чтобы увидеть отражение ногг поглядела и, улыбнувшись себе, ушла.

Марина и Прядильников сидели за своими столами и молча писали. Марина иногда бросала на Прядильникова быстрые взгляды. Он ей

казался сегодня особенно худосочным и уставшим, ей хотелось покормить его. Ей хотелось отобрать у него сигареты. Ей хотелось обметать суровой ниткой измочаленные края его джинсов. Ей хотелось погладить его хроющую ногу.

Дверь отворилась.

– О! Пардон, пардон! – крикнул Гостев и скрылся.

Прошло минут десять, и в дверь постучали.

– Да! – отозвался Прядильников.

Дверь приоткрылась. В дверном проеме блеснули очки Завсепеча. Он как-то странно себя вел.

– Я не очень помешал? Можно?

– Пожалуйста, – озадаченно пробормотал Прядильников. Что это с ним?

– Извините, конечно, – сказал Завсепеч, входя. – Я, конечно, понимаю юмор, но... потехе – час, работе – время. – Он цепко оглядел Марину. – Здравствуйте, молодая особа.

Марина оторвалась от статьи, взглянула на него, покраснела и торопливо ответила:

– Здравствуйте.

– И ты здравствуй, ветеран, так сказать, – обратился Завсепеч к Прядильникову.

– Здравия желаем, так сказать.

Завсепеч в упор посмотрел на него: издевается ведь щенок, а?

– Разрешите присесть? – смиренно спросил Завсепеч.

Марина и Прядильников переглянулись.

– Садитесь, садитесь, ради бога, которого нет. Хотите кофе? Мы заварим.

– Нет, спасибо. Благодарю. Пишете?

– Да.

– Дела идут, контора пишет, хе-хе. И что, позвольте узнать, на сей раз взволновало ваши юные сердца?

– Мое юное сердце разрывается от горя, видя несовершенство военно-патриотического воспитания в школах города. А ее – от пьянства и всяких прочих родимых пятен и прыщиков буржуазного прошлого, вскакивающих на теле советского студенчества.

– Пьют студентики?

Марина кивнула.

– Безобра-а-зники. Но не подавляющее ведь большинство ?

– Да-да, – ответил вместо Марины Прядильников. – Это нетипично. Она описывает частный случай. А вообще советские студенты очень и очень.

Завсепеч сощурился.

– Что?

– Ничего. Просто очень и очень, и все. Очень и очень и самые-самые.

– Критикуешь все, Прядильников, – сказал Завсепеч, улыбаясь. – Все черные очки на носу держишь, все из окопа на мир взираешь... Орден починил?

– Починил. Только новая беда: краска облупилась, надо покрасить, никак нужной краски не найду.

– Однако, – сказал Завсепеч и нахмурился, – ты бы думал, что говоришь о государственной награде.

– Мы, журналисты, сначала говорим, а думаем потом, на ковре.

– И плохо! Очень плохо! Я бы посоветовал думать сначала. Хорошенько. Хороше-э-нько! – раздраженно проговорил Завсепеч. – Не пора ли быть серьезнее? Что у вас тут за балаган такой, понимаешь? Что за фиглярство такое? Мне этот стиль совсем не нравится. Разумеется, молодежная пресса несколько раскованна, и это накладывает отпечаток на облик сотрудников редакции, но не до такой же степени! Журналистика – серьезная вещь. Должно быть чувство ответственности. Если не хватает чувства ответственности, то стоит хорошенько подумать, на своем ли я месте.

– Я очень часто думаю, Демьян Васильевич: на своем ли ты месте? Это я так спрашиваю себя: на своем ли ты месте, Федя? Завсепеч посмотрел пристально на Прядильникова. Марина испуганно улыбнулась и отвернулась к окну. От Завсепеча это не ускользнуло.

– Где редактор? – тихо спросил он. Он еще владел собою.

– У себя, наверное, я не знаю, – ответил Прядильников.

– Я очень часто думаю, Демьян Васильевич: на своем ли ты месте? Это я так спрашиваю себя: на своем ли ты месте, Федя? Завсепеч посмотрел пристально на Прядильникова. Марина испуганно улыбнулась и отвернулась к окну. От Завсепеча это не

ускользнуло.

– Где редактор? – тихо спросил он. Он еще владел собою.

– У себя, наверное, я не знаю, – ответил Прядильников.

– Позвать.

Прядильников взглянул исподлобья на Завсепеча и повторил:

– Он, наверное, у себя.

Завсепеч уставился на Прядильникова.

– Сейчас, – сказала Марина и встала.

Но Завсепеч тоже поднялся и, ни слова не говоря, вышел.

– Ты обалдел, – сказала Марина.

– Я обалдел, – согласился Прядильников и закурил.

Вскоре за дверью послышался голос Завсепеча:

– Вот, Егор Петрович, вот, полюбуйся художествами. А? Но ведь это редакция, а не цирк. А если бы не я, а посетитель это увидел? Что бы он подумал о нас с вами? Пишут на уровне десятиклассников, а амбиции – о! о-го-го! Распустил ты, Егор Петрович, своих кузнечиков. Никакой серьезности, никакой политической зрелости, одна язвительность. Партия и правительство, понимаешь, заботу проявляют, вашему этому, так сказать, ветерану, понимаешь, автомобиль дали, квартиру дали, – как сыр в масле катается. Что у нас с тобой было в его годы? То-то. А он все язвит и ерничает, все корчит, понимаешь, из себя обиженного. Над государственной наградой изгаляется! В общем, так. Будем аттестацию проводить. Долго я смотрел сквозь пальцы на твоих кузнечиков – хватит. Понабрал, понимаешь, недеспелых всяких шутов – паяцев, понимаешь. Но есть, есть у нас грамотные, серьезные журналисты. Есть. В районках сидят годами. Опытные, зрелые. А ты хватаешь с улицы первого попавшегося. Пишет, как курица, а амбиции – о! о-го-го! И потом у меня есть сведения...

Дверь распахнулась, ударившись ручкой о стену.

– Погляди на него! – потребовал Завсепеч.

Редактор тяжело поглядел на Прядильникова.

– Ты погляди на его лицо. Ему же в ЛТП место. У меня есть достоверные данные.

Прядильников, развалясь на стуле, курил и глядел в потолок.

Завсепеч не вынес этого зрелища: круто развернулся и пошел

прочь по коридору. Как только его шаги стихли, в отдел учащейся молодежи потянулись сотрудники, пришла и старушка машинистка. Редактор сел, снял очки, протер их носовым платком, закурил папиросу.

– Что это Демьян Васильевич так? – спросила седая машинистка. Редактор показал ей лист. Там нарисовано было сердце, пробитое стрелой, было написано: «Перерыв на любовь: 10.00 – 10.15».

– На двери висело, – пояснил редактор, – а тут этот мимо шел. Старушка достала очки и, приблизив их к глазам, посмотрела на лист. Она оживилась и с интересом поглядела на Марину. Заведующий отделом комсомольской жизни растянул губы в мертвой улыбке.

– Это твоя работа, балбес? – уныло спросил редактор у Гостева. Гостев потупился.

– Гостев, вообще-то надо меру знать, – сказал заведующий отделом комсомольской жизни, сумрачный тридцатилетний мужчина, много пивший в молодости, но излечившийся от пагубной страсти пять лет назад. Он не пил, был свеж, энергичен, но все пять лет улыбался иезуитской мертвой улыбкой.

– Я сейчас объясню, – сказал Гостев. – Я догадываюсь, в чем дело.

– Дураков не сеют, не пашут, – пробормотал редактор.

– Я догадываюсь, – сказал Гостев. – Дело не в шутке. Подумаешь, сердце, ну и что. Это же не баба голая. Я догадываюсь, в чем дело. Дело в другом.

– Брошу все к чертовой маме, уеду к теще в деревню, буду бешеных быков пасти, – проговорил редактор.

– Просто Завсепеч, – продолжал Гостев, – испытывает чувства к Марине. Комплексует старик.

– Надоел ты со своим психоанализом, – сказала Марина и вышла.

– Это З. Фрейд, а не я.

– Ну, а ты? Что ты все на рожон лезешь? Что ты на него прешь, как на амбразуру? Кто за язык тянет, Федор – синие брызги, – сказал редактор.

– Мне в армии надоели командиры и замполиты.

Редактор посмотрел в окно на солнечную улицу.

– В деревню. Парное молоко, рыбалка, – пробормотал он. – Охота

на зайцев, банька, огород, стадо бешеных быков – рай.

К вечеру голова от табака и военно-патриотических фраз трещала, как печь, набитая еловыми поленьями, с той лишь разницей, что этот треск слышал только Прядильников. Он добил и сдал статью. Луиза поцеловала его в лоб. И он попросил у нее денег. Ты же говорил, есть, ответила она. Я просто очень стеснительный, сказал он. А что ты купишь? Молоко и хлеб. Точно? Клянусь. Ну, гляди, чтоб никакой горючки. Слушаюсь и повинуюсь. Он взял червонец и спросил: позвольте ручку поцеловать, мамзель? Лучше Марине. Не дурачься, сказала Марина шагнувшему к ней Прядильникову. Ох, Маринка, не кузнец ты своего счастья, сказала Луиза.

Без пятнадцати шесть все засобирались домой.

– Маэстро, какие планы на вечер? – поинтересовался Прядильников у Бороды.

Борода устремил на него свои печальные красивые глаза и сказал грустно: домой. Ну, ко мне на часок заедем, нажимал Прядильников. Жена опять к теще сбежит, ответил Борода, я пас, позови вон Гостева. Гостев мне до чертиков надоел, сказал Прядильников. Ну, не знаю, а я пас, пас, откликнулся Борода, взял «дипломат» и поспешил удалиться, позабыв даже сказать всем до свидания.

– Федор! Что я слышу! – прикрикнула Луиза.

– Шутка.

– Смотри же. – Луиза погрозила ему кулачком. Попрощалась. Ушла.

Марина медленно собирала в стол бумаги. Прядильников снял трубку, накрутил указательным пальцем нужный номер. Не ответили. Побарабанил по аппарату, набрал другой номер. Молчание, точнее, длинные гудки. Еловые поленья кряхтели и разламывались, шуршала груда углей. Прядильников помял указательными пальцами виски. Еще раз набрал оба номера, положил трубку, сказал Марине: пока! – и скрылся за дверь. Марина сидела и неподвижно глядела на дверь.

Он спустился в лифте вниз, прошел мимо милиционеров, не глядя на них, вышел на крыльцо, прохромал мимо колонн а-ля Парфенон, подошел к своему броневику, отомкнул дверцу, сел. Куда едем? –

спросил он у броневика.

Надо вспомнить, что снилось ночью, и тогда станет ясно, куда надо ехать.

Прядильников наморщил лоб. Нет, бесполезно. Повернул ключ зажигания, выехал на улицу. Броневик неторопливо заскользил по осенним улицам. Черные птицы опускались в степь. Опять они прилетели, подумал Прядильников. Черные птицы опускались в степь. Горы спали, зеленое черепашее стадо спало, было тихо, тепло, белели цветы, журавли приземлялись, было тихо и тепло, белели цветы, цветы белели, белецветы, жураженщины, бронечерепа... ччерт!

Он затормозил у винного магазина.

Он затормозил у винного магазина.

– Вино есть? – спросил у потасканного мужика в спортивных брюках и синей олимпийке.

– Водяра одна, а бормотель, говорят, в «Юбилейном», подвезешь?

– Подвезу. – Мужик сел рядом.

Остановились возле магазина «Юбилейный». На хвост возьмешь? – спросил мужик. Прядильников отрицательно мотнул головой. Облом, сказал мужик и вышел. Следом вышел и Прядильников.

У дверей магазина паслись двое. Они остановили идущего мимо парня и что-то ему сказали. Парень с готовностью полез в карман, отдал им мелочь и пошел своей дорогой. Двое увидели Прядильникова. Один, веселый, кареглазый, шагнул навстречу, улыбнулся и протянул руку: здорова! Прядильников машинально ответил на рукопожатие. Незнакомец стиснул его руку: одолжи, братишка, на винишко, скоренько. Прядильникову было не жалко, но «скоренько» покорило его, и он ответил, выдергивая руку: я жлоб.

Он купил в магазине вина и сигарет и вышел на улицу. Эй, жлоб, айда побазлаем в кустиках, сказал кареглазый и веселый. Некогда. Ну, Сильвер, ну, айда, а? Но Прядильников шел к своему броневику. Оставь, сказал второй первому, кареглазому и веселому, с убогими грешно махатья. Прядильников стиснул зубы, но не остановился. Он открыл дверцу, сел, положил целлофановый пакет с бутылками на сиденье, повернул ключ. Мотор заработал, Прядильников глянул в окно. Двое все еще

паслись. Что за паскудный день, подумал Прядильников и заглушил мотор. Он вынул складной нож из бардачка, подцепил ногтем лезвие и вытащил его из паза. Сунул нож в карман. Распечатал пачку, достал сигарету, прикурил и вышел из машины. – Ты чего, Сильвер? – удивился веселый. – Ну, пошли, – сказал Прядильников. – Га! кровь у бычка взыграла! – воскликнул веселый. – Мы пошутили, живи, – мирно проговорил второй. – Пошли, – повторил Прядильников. – Слушай, Сильвер, валил бы отсюда, – посоветовал второй, – а то на две ноги захромаешь, ну.

– Салют, мальчики!

Все трое оглянулись. Луиза.

– Салют, киска, коли не шутишь, – живо откликнулся веселый, разглядывая Луизу.

– За молочком, Федя?

Прядильников промолчал.

– Какие проблемы, мальчики?

– Вечные, – ответил веселый. – Вечно не хватает.

– На, – сказала Луиза, вынув из кошелька железный рубль.

– Не фальшивый?

– Ну, еще какие проблемы? – спросила Луиза.

– Всё. Нет проблем, – ответил веселый.

– Поехали домой, – строго сказала Луиза, беря Прядильникова под руку.

– Опоздала, твой уже затарился.

Луиза увлекла Прядильникова за собой.

– Ничего козочка, – сказал веселый.

– Пошли, – сказал второй, и они отправились в магазин.

Броневик катился по улице. Нашел, с кем связываться, сказала Луиза. Прядильников промолчал. Нашел, с кем связываться, они б затоптали тебя, ты что, не знаешь этих зверей? У каждого в кармане, небось, по финке. Рожи уголовные, им что барана резать, что человека – одно удовольствие. А тюрьма – родной дом. Кстати, ты что, один собрался пить? Нет, ответил Прядильников, у меня есть два безотказных парня, однокашники. Луиза помолчала. Составить тебе компанию? Прядильников покосился на нее. Составь. Луиза улыбнулась: я пошутила, меня

муж ждет, ревнивый, как бык. Разве быки бывают ревнивыми? Не знаю, так, взбрело словечко. Составь, повторил Прядильников. У Луизы залучились глаза. Лучше бы ты Марину пригласил. Марину? А что Марина? Что, что – разуй глаза и увидишь, что. Ну, так что, ко мне? – спросил Прядильников. Настырный, сказала Луиза, томно закатывая глаза. В следующий раз, Федя, сегодня никак не могу.

Броневи́к остано́вился возле́ дома Луизы. Луиза взяла сумочку, открыла дверцу. Прядильников угрюмо смотрел на нее. Она замешкалась. Прядильников смотрел. Она тихо и твердо сказала: в следующий раз, – и вышла.

К однокашникам не поехал. Расхотелось. Это надо говорить, слушать, улыбаться, а за день надоело говорить, слушать и улыбаться. Язык отяжелел, уши болят, и от улыбок кожа стала резиновой. Хорошо, что он живет один: захотелось – позвал человека, захотелось одному – не позвал. В армии потому тяжело, что негде спрятаться. Даже в сортире вечно кто-нибудь сидит, кряхтит.

Только один человек. Только один человек, желанный всегда, днем и ночью, на работе и дома, когда плохо и когда хорошо, один, только один, понимавший все с полуслова...

Разведрота часто выходила. Да, слишком часто; они надевали штормовые костюмы и кеды – туристы – и ночью выскальзывали из полка, дня через два-три возвращались так же внезапно, пропыленные, обросшие щетиной; разведрота исчезала, и я начинал ждать, ходить каждый день к их палаткам, чтобы узнать, не вернулись ли. Потом рота возвращалась; подходя к палаткам, видел чумазных ребят, они чистили оружие; вытягивал шею, высматривая горбоносое длинное лицо, иногда видел издали его, иногда – нет, подходил к ребятам: ну, мужики, как дело прошло? Они: нормально, – или: хреново, – и добавляли: он в оружейку пошел, или: в баню, или еще куда-нибудь! Я находил его и спрашивал: курите? Он: курю! Я: но Минздрав предупреждает. Он: хочу быть человеком, ибо один дядя ученый сказал: человек – без перьев, на двух ногах, курящее! Я: ну, тогда получите подарок из Африки, – и даю ему пачку сигарет с фильтром, армейское лакомство; сигареты советские или болгарские, но уж

так повелось: подарок из Африки да подарок из Африки! Возле полигона была гора, там брали мрамор на строительство бань, каптерок и туалетов. Мрамор был белый, с зелено-синими полосами. Иногда нам удавалось уйти туда; устраивались среди облитых солнцем глыб, снежных глыб. Снежные глыбы, солнце светит, больно смотреть на мрамор, он раскрывает книгу и читает вслух Бодлера, бродягу Рембо, Верлена, Бунина, Блока, Евтушенко, я не читаю, у меня хреново получается, а он здорово читает, он здорово читает потому, что сам пишет стихи. Он читает, я лежу на теплых камнях, покуриваю бесплатную махорочную сигаретку, смотрю вниз, на полк, на степь, на далекие южные горы, говорят, там уже Пакистан, говорят, там кедры растут, а на западе горы Искаполь, греки, что ли, их называли так? Здесь когда-то воевал Александр Македонский... Горы Искаполь голые, вершины в снегу, я смотрю на горы Искаполь, на южные кедровые горы и вижу далеко в степи караван: крошечные верблюды, белые хрупкие шагающие фигурки... Но чаще никто никуда не брел по горячей пыльной твердой и голой земле. «Я человек, как Бог, я обречен познать тоску всех стран и всех времен». Я лежу на теплых сияющих камнях, смотрю на солнце сквозь белую мраморную щепку с морской полосой и говорю, что надо будет пожить на берегу какого-нибудь океана, а? Он откладывает книгу, берет у меня прозрачную щепку, глядит сквозь морскую волну на солнце и соглашается после армии пожить на берегу океана, Изредка он читал свои стихи, и это было лучше Бодлера, Блока и Евтушенко. Рота разведчиков часто выходила в рейды, слишком часто, рота уходила, и я каждый раз узнавал, вернулась ли? Потом я шел и видел издалека черных ребят в выбеленных солнцем штормовках: привет, как дело прошло? Нормально, а он в палатке. Курите? но Минздрав, получите подарок из Африки, что-то ты давно ничего своего не читал. Не пишу, ни черта не получается чего-то, Вийон был отпетый забулдыга, а как писал, а я еще вроде не совсем отпетый, а ни черта, – или уже отпетый? Ничего, ты еще выпулишь бронебойную поэму, и мэтры будут рыдать от зависти. Привет, как дело прошло? Нормально, а он в оружейке. Привет, как дело прошло? Плохо, а он во дворе санчасти. Двор санчасти, в центре брезентовый тент на четырех

железных трубах, врытых в землю, под тентом три горбатые простыни. Медик-капитан: не суйся, эй. Надо, капитан, там товарищ. Ну, иди тогда. Стащил с лица простыню, посмотрел, отошел, вернулся, сунул под простыню пачку сигарет, потом стоял посреди двора. Было жарко, по простыням бегали мухи; стоял под солнцем посреди выжженного двора санчасти, под тентом белели простыни, двор санчасти медленно описывал круги, плавные круги, в центре неподвижно белели простыни, мертвые простыни, каменные простыни, двор кружился, кружились санчасть и мраморный сортир, от сортира разило лизолом, клейким бурым лизолом было измазано солнце, вонючий лизол растекался по небу, плыл по земле, а по простыням бегали мухи: туда-сюда, сюда-туда...

Прядильников налил в стакан из бутылки и подумал: надоела редакция... Выпил, съел яблоко и пласт сыра. Подумал, закуривая: дом с колоннами надоел, не хочу видеть Завсепеча. И эта конура осточертела. А где-то есть одно такое местечко, там хорошо. Сигаретный дым кокетливо извивался перед лицом. Жаль, что Луиза не приехала. Луиза, Лиза, лиз-лиз-лиз... Черные прилетели... Птицы с длинными белыми шеями неслышно били крыльями, вытягивали ноги и становились на землю. В степи белели цветы – плывущие низко над землей комья мыльной пены. Рота спала в бронетранспортерах. Стаю видели часовые. Было раннее утро, было тепло и тихо. Птицы приземлялись, складывали свои огромные крылья, чистили клювами перья и, озираясь, ходили в траве и цветах. У них были белые шеи и красные шапочки, они то и дело замирали, повернув лица в сторону колонны, и приглядывались. Часовые не шевелились, и птицы принимали их за столбы, а бронетранспортеры им казались спящими зелеными черепаками. Птицы с белыми шеями расхаживали по степи, они были черны, степь зелена, спали горы и стадо зеленых черепах, небо на востоке светилось ало. Часовые с улыбками посмотрели друг на друга.

Скрипнула крышка люка, из бронетранспортера высунулся прапорщик, он зевнул, окинул взглядом степь и замер, увидев птиц. На миг он скрылся, появился вновь, сполз с машины и, пригибаясь, пошел в степь с автоматом в руках. Часовые следили

за ним. Птицы заметили прапорщика, вытянули шеи, застыли. Прапорщик вскинул автомат, опустился на колени, приставил приклад к плечу, склонил набок голову, прицелился. Птицы побежали, плеща крыльями. Стая взлетела. Бледно-красная очередь пронеслась над степью и врубилась в стаю. Один из часовых снял с плеча автомат и, не целясь, выпустил короткую очередь. Второй и третий часовые тоже схватились за автоматы и начали стрелять. И Прядильников снял с плеча автомат и выпустил две длинные трассирующие очереди. Первый-второй-третий-четвертый. Первый! Второй! Третий! Четвертый!

Из бронетранспортеров выскакивали с автоматами в руках заспанные солдаты.

Журавли улетели. Несколько птиц неподвижно лежали в степи. Две, ломая крылья, кувыркались в траве. Часовые побежали, добились их прикладами и приволокли за ноги к колонне. Прапорщик и солдаты склонились над растрепанными птицами, отыскивая раны и споря, куда вошли и откуда вылетели пули. Появился недовольный ротный. Он обругал прапорщика и часовых и пообещал за ложную тревогу всыпать всем по трое суток губы. Прапорщик кивнул на восходящее солнце и сказал, что подъем устроен вовремя. Ротный ничего не ответил.

Солдаты отходили в степь и, зевая, мочились и глядели, как встает над зеленой землей бордовое солнце. Потом завтракали. На завтрак были галеты, холодный чай, кусковой сахар и рыбные консервы в томатном соусе. Прапорщик громко рассказывал, как он охотился в тундре на гусей, на серых жирных гусей, на вкусных, тяжеленьких, нежных гусей. Солдаты глотали мокрые красные куски рыбы и слушали.

Опять это приснилось. Прядильников утром проснулся и первым делом вспомнил сон. Снилось желтое, сухое, шуршащее, выпуклое. Желтое, сухое, шуршащее, выпуклое, желтое, шуршащее, желтое... – гора!

Гора! Прядильников встал и пошел умываться. Он набирал в ковшик ладоней холодной воды и окунал в нее лицо. Гора! Осенняя гора.

Он умылся, вытер лицо полотенцем, пошел в кухню пить чай, крепкий чай, горький, горячий, терпкий, темный божественный

чай. На гору. Пятнадцать лет назад была гора. Терпкий, вишневого, нет, торфяного цвета чай, Прядильников вытер рукой потное лицо и налил вторую чашку. На гору. Как он ее забыл? Была гора, и был кролик. Кролик был белый, с алыми глазами. Он отдал за него немецкий ржавый штык пацану из частного деревянного дома. Кролик поселился в квартире на седьмом этаже. Он жил в чемодане под письменным столом. Кролик был, как собака. Мальчик приходил из школы, кролик выпрыгивал из чемодана и скакал по комнате вдоль стены к мальчику. Мальчик кормил его капустой и хлебными корками и нес за пазухой на прогулку. Родители обзывали кролика стрекозлом и грозились вышвырнуть его вон или потушить в духовке с картошкой. Мальчик говорил кролику: скоро мы убежим. Они с кроликом хотели уйти в лес, построить хижину и жить, питаясь заячьей травой, орехами и грибами. Когда мальчик получал двойку, он показывал дневник кролику и говорил: вот, видишь, плохо быть человеком. Кролик согласно шевелил ушами. Вечером приходил отец. Он проверял дневник и лупил мальчика. Сидя в чемодане и слушая вопли своего хозяина и друга, кролик убеждался окончательно, что лучше быть кроликом. После порки мальчишка сидел у окна. Кролик подбирался к нему и начинал вылизывать его пятки. Нравилось ему почему-то вылизывать пятки, может, там соль от ходьбы выступала?

Отец сказал: еще двойка или тройка, и кроля как не бывало! Мальчишка на следующий же день получил двойку, хоть и выучил все уроки, – от страха не смог ответить как надо. Вернулся домой, положил в рюкзак одеяло, хлеб, ножик, соль, спички, спрятал за пазуху кролика, добрался на трамвае до вокзала, сел на электричку, высмотрел из окна пустынный полустанок и вышел. Он нашел в полях гору, поросшую дубами, и прожил на ней два дня. На вторую ночь кролик исчез. Утром мальчишку нашли крестьяне-грибники. Наверное, кролик почувствовал, что утром придут люди. И удрал. И правильно сделал. Может, и до сих пор живет на воле, если лисы не съели. А мальчишка не почувствовал и не удрал, и с ним черт знает что сделали.

На гору, на гору, на гору.

Он положил в рюкзак чайник, два одеяла, сахар, чай, хлеб и

уехал из города.

После вчерашних возлияний голова кружилась, руки дрожали, и сердце билось рассеянно. Прядильников сильно потел.

Полчаса он ехал по Южному шоссе. Решил, что пора, и свернул на проселочную дорогу. Песочный броневик закачался на ухабах.

Вот поселок. Железная дорога. Пятнадцать лет назад он увидел этот поселок из окна электрички. Электричка остановилась здесь. Тронулась. Была еще остановка и еще. На третьей он вышел. Или на четвертой.

Броневику вскарабкался на холм. Прядильников увидел за железной дорогой поля и перелески. Где-то там должна быть гора. Броневику пересек железную дорогу и поплыл в голые серые поля, затянутые паутиной.

Песочный броневик гудел в полях под высоким пустым небом.

Горы нигде не было. Может, ее вообще не было. Может, приснилось. И белый кролик. И все остальное.

Во рту было сухо. Сердце теперь слишком усердствовало и толкалось в лопатку. Были лужи и болотца, чистой воды нигде не было. Надо заехать в какую-нибудь деревню.

Автомобиль обогнул перелесок. Впереди зачернели дома деревни. Прядильников проехал еще немного в сторону деревни, но передумал и развернул броневик. Не хотелось видеть людей. Может быть, крестьяне этой деревни пошли пятнадцать лет назад по грибы, схватили на горе мальчишку и отвели его в милицию.

Отец сказал: еще двойка или тройка, и кроля как не бывало! Мальчишка на следующий же день получил двойку, хоть и выучил все уроки, – от страха не смог ответить как надо. Вернулся домой, положил в рюкзак одеяло, хлеб, ножик, соль, спички, спрятал за пазуху кролика, добрался на трамвае до вокзала, сел на электричку, высмотрел из окна пустынный полустанок и вышел. Он нашел в полях гору, поросшую дубами, и прожил на ней два дня. На вторую ночь кролик исчез. Утром мальчишку нашли крестьяне-грибники. Наверное, кролик почувствовал, что утром придут люди. И удрал. И правильно сделал. Может, и до сих пор живет на воле, если лисы не съели. А мальчишка не почувствовал и не удрал, и с ним черт знает что сделали.

На гору, на гору, на гору.

Он положил в рюкзак чайник, два одеяла, сахар, чай, хлеб и уехал из города.

После вчерашних возлияний голова кружилась, руки дрожали, и сердце билось рассеянно. Прядильников сильно потел.

Полчаса он ехал по Южному шоссе. Решил, что пора, и свернул на проселочную дорогу. Песочный броневик закачался на ухабах.

Вот поселок. Железная дорога. Пятнадцать лет назад он увидел этот поселок из окна электрички. Электричка остановилась здесь. Тронулась. Была еще остановка и еще. На третьей он вышел. Или на четвертой.

Броневи́к вскарабкался на холм. Прядильников увидел за железной дорогой поля и перелески. Где-то там должна быть гора. Броневи́к пересек железную дорогу и поплыл в голые серые поля, затянутые паутиной.

Песочный броневик гудел в полях под высоким пустым небом.

Горы нигде не было. Может, ее вообще не было. Может, приснилось. И белый кролик. И все остальное.

Во рту было сухо. Сердце теперь слишком усердствовало и толкалось в лопатку. Были лужи и болотца, чистой воды нигде не было. Надо заехать в какую-нибудь деревню.

Автомобиль обогнул перелесок. Впереди зачернели дома деревни. Прядильников проехал еще немного в сторону деревни, но передумал и развернул броневик. Не хотелось видеть людей. Может быть, крестьяне этой деревни пошли пятнадцать лет назад по грибы, схватили на горе мальчишку и отвели его в милицию.

Во рту было сухо и горько.

А на горе была вода? Нет, на горе – нет. В овражке, в кустах. Да, под горой есть овражек... Там родник.

Под вечер Прядильников понял, что не найдет.

Нажал на педаль, броневик остановился. Прядильников вышел.

Солнце светило красно, оно уже висело над лесистым горизонтом.

Прядильников огляделся.

Всюду земля была плоской. Желтели перелески. Кое-где стояли красные клены. Было тепло. Надо вспомнить, подумал Прядильников, все хорошенько вспомнить. Он сел на землю, лицом к солнцу.

Итак, был кролик, белый, глаза алые, любил арбузные корки. А

потом они удрали. Электричка везла их на юг. Наверное, через час они вышли. Полустанок.

Шел по дороге. Вокруг поля. Увидел гору. Свернул к ней. Она была желтая. Под горой тускло краснели кисти на кусте калины. Калина покормила его своими пахучими ягодами. На горе желтели клены и дубы. С дубов обрывались желуди. Желуди падали в рыжий папоротник. Он снял кепку и стал под самый большой дуб. Дуб сбросил ему на темя крепкий желудь. Смешно. Кролик осторожничал, принюхивался. Белый в рыжем папоротнике. Мы будем здесь жить. Вот здесь построим хижину. А вот из этой осины выйдет отличное копье, чтобы отбиваться от волков. Желуди падали. Вечер был тепел. Между деревьями летали толстые дрозды и яркие сойки. В траве сидели подосиновики. Сытная желтая осень. И совсем не страшно. Кролик рядом. Калина, как человек. Куст, какой еще человек. Но как будто человек. Иди, покормлю ягодами, иди-и.

Надрал соломы из стога на поле. Спал на соломе, укрывшись одеялом. Кролика за пазухой держал, чтобы тепло и не страшно было. Ночью страшно было, хоть где-то рядом и стояла эта тетка с красными ягодами. Ночью луна светила. Листья летели. Попадали в свет луны и белели, а ему снилось, что сыплется снег, что снежины садятся на лицо. Он проснулся и увидел, что это листья. До зимы еще далеко, еще успею построить хижину, теплую и прочную.

Утро было желтое. На гору светило сентябрьское солнце. Падали желтые листья, на деревьях покачивались желтые листья, на одеяле лежали желтые листья, землю устилали желтые листья, внизу, на болоте, желтели березы. Побродил вокруг горы, наткнулся на родник в овражке, набрал полную кастрюлю воды. Кашу варил. Кролик позавтракал краюхой хлеба. Кролик попрыгал по горе и вернулся. Калина глядела снизу. Прилетела сорока. Посидела на клене, осмотрела мальчишку и кролика, треснула: караул! – улетела и вскоре вернулась с тремя подругами, все вместе они уставились черными глазами на мальчишку и кролика. Он швырнул в них сучок, они хором крикнули: караул! – и унеслись прочь. По горе бегали мыши. Гора шелестела, желтая шелестящая гора.

Зазубренный горизонт срезал уже половину солнечного шара, когда сидевший на дороге возле автомобиля человек услышал хлопанье крыльев. Сверху опускались тени. Это были черные птицы. Они вытягивали ноги и становились на землю. Птицы складывали крылья. У них были длинные шеи с белыми полосами от клюва до груди и красные пятна на мелких головах. Птицы вышагивали в сухой траве, теребили клювами метелки злаков и склевывали семена с земли. Он отложил автомат, встал и пошел. Он медленно сходил с горы. Он плавно спускался с горы. Он бесшумно шел вниз. Впереди прыгал белый кролик. Птицы увидели их и замерли.

Они не улетали. Большие черные птицы ждали, повернув к нему лица.

Олег ЕРМАКОВ «Зимой в Афганистане» / рассказы. Neкаýalar